

Казалось, что рождение, старение, болезни и смерть каждого важного для неё человека должны были пройти перед её глазами, чтобы её жизнь можно было считать завершённой.

Сколько раз расставания, которые когда-то легко трогали её струны души, повторялись снова и снова, постепенно покрывая её лицо маской мертвого равнодушия.

Её память становилась всё хуже. Лица и голоса самых дорогих людей, а также клятвы помнить боль, которая должна была остаться в сердце навсегда, — со временем всё это растворялось в забвении.

Она когда-то ненавидела себя за то, что не могла удержать ничего из того, что было рядом. Даже те воспоминания, которые когда-то были выжжены в её сердце, исчезали в каждом равнодушном дне и ночи. Как бы она ни протягивала руки, она ничего не могла удержать.

Эта ненависть мучила её на протяжении тысячелетий.

Но в конце концов она даже забыла это чувство муки.

Она жила как ходячий мертвец, все эмоции и желания будто были запечатаны временем. Из всех выражений лица, которые она когда-то отработывала перед зеркалом, осталась только привычная улыбка, которая не выглядела слишком фальшивой.

Она была человеком, который охраняет тайну, и человеком, рожденным для искупления. Защита и жизнь стали единственным, за что она цеплялась, и всем, что у неё было.

Так печально, и так печально смиренно.

Но сейчас все раны были разорваны временем в этом долгом путешествии назад.

Оказалось, что все те люди и события, которые существовали и происходили, никогда не покидали глубин её памяти. И боль от разрыва этих ран заставляла её чувствовать странное возбуждение, словно человек, давно умерший, наконец обрел новую жизнь.

Воспоминания яростно атаковали её якобы спокойное сердце. Сложные эмоции, постепенно вытаскиваемые наружу, наконец затуманили её глаза.

Рядом внезапно раздался голос молодой девушки, легкий и радостный, но как острый меч, вонзившийся в её почти онемевшее сердце, вырывая кровавые раны.

— Я не боюсь забыть, потому что то, что действительно стоит помнить, я запишу. Если сердце не запомнит, я запишу на бумаге и положу туда, куда я обязательно вернусь. Так, пока я не умру окончательно, это будет существовать вечно.

Феникс...

Это она? Где она?

— Люша, я не забуду тебя.

В ушах звучало твердое и серьезное обещание девушки.

Она улыбнулась, и Цянье Люша пошла на звук, но с каждым шагом казалось, что она удаляется всё дальше и дальше.

— Это ты?

Вдалеке появилась фигура женщины в красном. Цянье Люша потеряла смелость идти вперед.

Память, потускневшая за тысячи лет, внезапно прорвалась сквозь время, и она вспомнила своё предательство. Предательство, которое никакие обстоятельства не могли оправдать.

— Все могли пожертвовать мной, но почему именно ты!

Она вспомнила отчаяние в глазах Феникс в тот день. Всего один взгляд — и сердце разрывалось от боли.

— Цянье Люша! Ты не можешь умереть, как ты можешь умереть! Твое предательство передо мной никогда не будет искуплено! Я хочу, чтобы ты жила, не старея и не умирая, вечно одна!

Она вспомнила проклятие Феникс в её отчаянии. Каждое слово было как нож; словно она хотела медленно истязать её тысячелетиями одиночества и самообвинений.

— Феникс, прости...

— Люша, за эти две тысячи лет, ты жила хорошо?

— Ты ведь меня забыла, да?

— Прости...

Две тысячи лет прошли. Голос, который должен был быть глубоко знаком, теперь казался чужим. Эта чуждость, вместе с глубоким чувством вины, вонзилась в её сердце, как острые когти.

Как можно было забыть...

Как можно было...

***

Цзян Чжэн сидела на краю кровати, скучая, наблюдая за Цянье Люша.

Это был Воду двухтысячелетней давности. Как и говорила Цянье Люша, повсюду были заключенные эльфы. Их глаза светились темно-фиолетовым магическим светом — явно находясь под контролем демонической энергии Черного Дракона.

Весь мир был наполнен отчаянием.

Цянье Люша спала уже два дня и всё ещё не просыпалась.

Внезапно Цзян Чжэн заметила, что из уголка глаза Цянье Люша покатились слеза, стекая по щеке на подушку, и она удивилась.

— Эй... — она уже не в первый раз пыталась разбудить Цянье Люша. Но, к сожалению, не могла прикоснуться к ней, и крики не помогали. Она не могла не пожаловаться:

— Что с тобой? Ты всё не просыпаешься, и ещё в своих снах страдаешь...

Цзян Чжэн прошла с Цянье Люша весь путь. И, по логике, всё, что видела Цянье Люша, она тоже должна была видеть. Но, к сожалению, в конце сознание Цянье Люша было уже очень смутным, и она могла видеть только размытые пятна, словно толстый слой мазков. Кроме этого ничего не было видно.

Она не знала, что пережила эта бессмертная, как она стала такой одержимой.

В этот момент девушка внезапно открыла плотно закрытую дверь.

У девушки не было признаков эльфа. Её длинные красные волосы были красивы, как водоросли, золотые глаза яркие. Она была невысокой, похожей на человеческую девушку, с самой прекрасной улыбкой и чистейшим взглядом.

Но улыбка девушки превратилась в удивление, когда она увидела Цзян Чжэн.

Цзян Чжэн с удивлением посмотрела на неё, и атмосфера стала крайне неловкой.

В чужой спальне, когда незнакомая девушка смотрит прямо на тебя, Цзян Чжэн почувствовала себя виноватой.

— Я просто заблудший дух, игнорируй меня, игнорируй меня, — сказала Цзян Чжэн, отступая на несколько шагов и прячась в шкафу.

Она клялась, что ничего не украла. Просто хотела следить за этой бессмертной, боясь, что она сделает что-то непоправимое, что не даст им вернуться в будущее через две тысячи лет.

Честно говоря, она тоже хотела бы быть более прозрачной, лучше всего невидимой, но это было не в её власти.

Разве не говорили, что только два типа людей могут её видеть? Эта девушка открыла какой-то странный третий глаз, или она очень могущественная?

Может быть... может быть, это Бессмертная Птица?

Цзян Чжэн в шкафу затихла. Девушка заколебалась, но в конце концов решила игнорировать это безобидное привидение.

Она тихо подошла к кровати, наклонилась к уху Цянье Люша и тихо засмеялась:

— Вставай, солнце уже припекло!

Как только она это сказала, она увидела следы слез на подушке Цянье Люша.

— Тебе грустно? — девушка прикусила губу и сказала. — Я ведь не уйду навсегда, о чем ты плачешь?

— Игнорируешь меня, да? Не хочешь проводить меня?

— Серьезно игнорируешь меня? Ну тогда я уйду, потом не жалеи!

— Я... Я правда уйду! — девушка сделала вид, что сердится, дошла до двери. Но, увидев, что Цянье Люша всё ещё не реагирует, раздраженно топнула ногой, подошла к столу, взяла бумагу и ручку, написала строку и сказала:

— Ну, я просто в шоке! Что хотела сказать, написала на бумаге. Если ты не хочешь со мной прощаться, то в моё отсутствие можешь смотреть на это и вспоминать меня!

Сказав это, она ушла.

Цзян Чжэн всё это время пряталась в шкафу. Любопытство заставило её подсмотреть через щель в двери. Теперь, когда девушка ушла, на её лице было написано полное недоумение.

Что это было? Что это за слова! Вспоминать, глядя на вещи... это, это что-то серьезное!

Цзян Чжэн выпрыгнула из шкафа, подлетела к столу и взглянула на оставленное письмо.

— Мы с братом спим не больше десяти лет. Я закопала свои воспоминания там, где мы встретились. Когда вернусь, напомни мне выкопать их. Но ты не смей подглядывать! — Феникс.

Цзян Чжэн прочитала это письмо, но внезапно услышала всхлипывание и испугалась.

Она с удивлением обернулась и увидела, что Цянье Люша свернулась калачиком. Она изо всех сил старалась сдержаться, но всё равно не смогла остановить рыдания.

— Ты...

Цзян Чжэн чувствовала, что она что-то поняла. Хотя не могла в это поверить, но факт был в том, что эта, казалось бы, равнодушная бессмертная плакала. После того как Феникс пришла и ушла, она свернулась на кровати и рыдала.

Она тихо сидела рядом, не решаясь заговорить.

В комнате, которая была тихой, теперь наполнилась подавленными рыданиями.

Бессмертная Птица, Феникс...

Цянье Люша в своих рассказах упоминала это имя так легко, словно это был просто незнакомец, не имеющий к ней отношения. Но теперь она страдала из-за этой женщины, как ребенок, потерявший всё.

<http://bllate.org/book/16480/1497192>